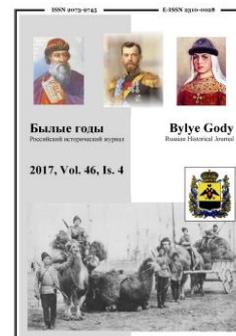

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
 Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
 Co-published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 46, Is. 4, pp. 1229-1236, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.4.1229
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(470.6)"18"

The Development of Russia-Mountain People Interaction in the last quarter of XVIII century in the Context of Factors, Prospective and Problems of Integrating of Mountain People into Imperial State System

Boris V. Vinogradov ^{a, *}

^a Armavir State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the factors and circumstances of the development of Russia-mountain people interaction in the last quarter of XVIII century in the context of the necessity for the Russian part of gradual integrating of mountain people communities into imperial state system. These perspectives were connected with the transforming of Russia into a powerful rival in struggle of foreign policy against the Ottoman Empire and Iran for the Caucasus in which the important role is given to the liquidation of the Crimean Khanate in 1783. It is precisely this factor that to a large extent caused the efforts of the Russian administration shortly thereafter to fill the issue of mountain people citizenship with concrete content which was manifested in "integration projects". Despite the problems with their fulfillment they indicate the constant search of optimal models of interaction with mountain people form the part of Russia in the process of forming the Russian North Caucasus.

Keywords: Russia- mountain people interaction, separation of the Crimean Khanate, citizenship oath, socio-cultural development of the mountain peoples, the process of Islamization of mountain people, integrating of mountain people into Russian state system, Russian North Caucasus.

1. Введение

Актуальность исследования определяется тем, что деятельность России на Северном Кавказе, возможности, перспективы и проблемы которой обуславливались комплексом внешнеполитических и региональных факторов и обстоятельств, по-прежнему находится в процессе пристального историографического анализа. Органично и неразрывно связанная с процессом российско-горского взаимодействия, политика российского государства в регионе имела в своем развитии динамику, опять-таки, предопределяемую совокупностью обстановки на Кавказе и вокруг него. Объект исследования – процесс российско-горского взаимодействия в последней четверти XVIII в. Предмет исследования – российское видение методов и перспектив интегрирования горских сообществ в имперскую государственную систему в исследуемый период.

2. Материалы и методы

Исследование предусматривало обращение к документам Российского Государственного архива древних актов, Архива внешней политики Российской империи, ряду сборников документов и материалов: Актам Кавказской археографической комиссии (*Акты...*, 1866), «Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.» (*Кабардино-русские...*, 1957), «Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.» (*Русско-дагестанские...*, 1988).

Проблема исследования сформулирована и анализируется в рамках принципов историзма и объективности, как основополагающих в современной отечественной исторической науке.

* Corresponding author

E-mail addresses: vinogradov.b@mail.ru (B.V. Vinogradov)

Комплексно применялись историко-генетический, историко-системный, историко-сравнительный методы, одни из наиболее используемых из специальных исторических методов, что позволило стремиться к всестороннему анализу заявленной проблематики.

3. Обсуждение

Различные аспекты российской политики на Северном Кавказе во второй половине XVIII в., российско-горских взаимоотношений и «стадиальных» реалий горских сообществ освещались в трудах как дореволюционных (Броневский, 1823; Фадеев, 1860; Бутков, 1869; Дубровин, 1886), так и советских. Для первых было характерно приоритетное внимание к военно-политической составляющей российско-горского взаимодействия, в том числе – в контексте внешних войн, обусловленных противоборством за Кавказ России, Османской империи и Ирана. Вместе с тем, для представителей дворянского кавказоведения (многие из которых являлись генералами российской армии, служившими на Кавказе) был свойственен интерес и к социокультурным реалиям северокавказских горских сообществ, оказывавшим влияние на возможности и проблемы осуществления российской политики в регионе. Анализируя тенденции, присущие советскому кавказоведению, необходимо отметить, что оно в период своего становления рассматривало специфику российско-северокавказских взаимоотношений сквозь призму политизированных и догматизированных суждений о колониальной сущности политики царской России на Кавказе (как, впрочем, и на всех «иноэтнических» территориях, включаемых в состав российского государства), что породило соответствующую историографическую традицию, распространившуюся в части оценочного понятийно-терминологического аппарата на последующие десятилетия его развития. В данном контексте проекты российских властей по мирному интегрированию горцев в имперскую государственно-правовую систему довольно долго оставались большей частью «за кадром» исследовательского внимания, несмотря на то, что отказ от концепции «абсолютного зла» в оценке включения нерусских народов в состав России обусловил анализ прогрессивных последствий присоединения Северного Кавказа к России и изучение фактора добровольности в данном процессе.

Необходимо отметить, что углубленное внимание советской исторической науки к социально-экономической проблематике вообще, и применительно к горским позднесредневековым сообществам – в частности, привело к не нашедшей свое завершение историографической дискуссии об отличиях «горского феодализма» от западноевропейских и русско-российских образцов (Анчабадзе, Робакидзе, 1971; Виноградов, 1981).

Процесс развала Советского Союза обусловил для немалой части историков-кавказоведов фактический возврат к постулатам концепции «абсолютного зла», обличениям «колониальной политики России» и апологетике «народно-освободительного движения горцев». При наличии различных оценок политики России на Северном Кавказе и региональной этносоциальной специфики развернулась «Кавказская война историографий», некоторые тенденции к преодолению которой проявляются в научном кавказоведении последних лет.

Современные российские кавказоведы, в частности, обращают внимание на роль академической науки XVIII–XIX вв. в складывании российского Северного Кавказа (Колесникова, 2016). В данном смысле дополнительного исследовательского анализа требует достаточно дискуссионное причисление таких представителей дворянского кавказоведения как С.М. Броневский, П.Г. Бутков, И.Ф. Бларамберг, Д.И. Романовский, генералов российской армии, к либеральному направлению в отечественной историографии (Zhurtova et al., 2017). Значимым сюжетом является анализ общего понимания высшей российской властью целей кавказской политики (Великая, 2016). В контексте по-прежнему имеющего место в историографии интерпретирования времени и событийной составляющей начала «Кавказской войны» видится важным исследование российско-турецких взаимоотношений в конце XVIII – начале XIX в. применительно к проблеме набегов западных адыгов в российские пределы (Rajović et al., 2017). Широкий спектр проблем российско-горского взаимодействия в XVIII в. был проанализирован в публикациях автора данной статьи (Виноградов, 2005; Виноградов, 2009; Виноградов, 2012). В некоторых из них нашел свое отражение и фактор Крымского ханства в развитии региональной обстановки (Виноградов, Приймак, 2016).

В разрезе сопоставления поведенческих норм, принятых в горских позднесредневековых этносоциальных сообществах с соответствующими правовыми и социокультурными представлениями, распространенными в обществе государственного уровня развития, интересным видится анализ составляющих «опасного состояния личности» (Safronova, Loba, 2014).

Как и ранее, в целом негативные оценки по отношению к методам российской политики на Кавказе преобладают в работах зарубежных («западных») историков (Баддели, 2011; Ходарковский, 2016).

4. Результаты

Вторая половина XVIII в., в силу обозначившегося положения Российской империи в качестве сильнейшей стороны во внешнеполитической борьбе за регион с Османской империей и Ираном, ознаменовалась для нее необходимостью укрепления своих позиций во взаимоотношениях с горскими народами Центрального и Северо-Восточного Кавказа. Довольно многие из них в это время

в результате принимаемых присяг уже состояли в российском подданстве, причем – как с «международным признанием» последнего (как то в случае с Кабардой, по обстоятельствам договоров 1772 и 1774 гг. с Крымским ханством и Османской империей соответственно), так и без оно – в контексте продолжавшегося внешнеполитического противоборства.

Особое, «факторное» значение для усиления позиций России на Кавказе имел 1783 г., ознаменовавшийся разделом Крымского ханства между Россией и Османской империей и российским протекторатом над Восточной Грузией (Виноградов, Приймак, 2016: 68–69). Именно он определил Россию в качестве сильнейшей стороны в противоборстве за Кавказ и Турцией и Ираном и обусловил для российских властей необходимость придания подданству северокавказских горцев по возможности конкретного содержания, которое бы способствовало процессу их интегрирования в имперскую государственную систему.

Как известно, российское «подданство» горских народов, объективно будучи результатом взаимной заинтересованности, «взаимного притяжения», существеннейшим образом отличалось от общероссийского «подданнического стандарта», существовавшего в условиях функционирования управленческих механизмов феодально-абсолютистской монархии. Значительная «стадиальная» (если использовать понятийно-терминологический аппарат унитарно-стадиального подхода к историческому развитию) разница между субъектами российско-горского взаимодействия в принципе не позволяла российским властям распространять на них общеимперские «подданнические конструкции». Тем более, что горский традиционализм, сложно совместимый с привнесением в него «внешних» социокультурных и правовых элементов, обладал известной «иммунностью» к ним, немалой самодостаточностью.

Тем не менее, в сложившихся в результате характера итогов осmano-российской войны 1768–1774 гг., фактора раздела в 1783 г. Крымского ханства и присоединения большей его части к России и начала проникновения ее в Закавказье (установление протектората над Восточной Грузией в том же 1783 г.), в новых региональных реалиях российские власти были явно заинтересованы в придании горскому подданству того конкретного содержания и «наполнения», которое бы, при продолжении политики «ласканий», стабилизировало бы и местную обстановку в части преодоления междоусобиц, набеговой экспансии (в том числе – в российские же пределы) и обеспечения стабильной российской внешнеполитической ориентации. Решение данной задачи наталкивалось на целый ряд региональных особенностей, ему не способствовавших. Так, наличие и расширение на Северном Кавказе системы российских укреплений, коммуникаций и поселений в рамках возводимой Кавказской линии, являясь нередко фактором позитивного притяжения для некоторых горских народов, стало, одновременно весьма «материально» притягательным объектом для набеговых предприятий горцев. Тем более что завершение процесса исламизации у предгорно-плоскостных чеченцев и в Кабарде стало придавать набеговой практике, и в предшествующее время – социально престижной и прибыльной, черты идейной освященности в контексте борьбы с «неверными».

Преодоление же горских усобиц (вполне закономерных в условиях преобладания в регионе маскулинных ценностей) как важный аспект обозначенной широкомасштабной задачи был сопряжен с такими объективными трудностями «факторного» значения, как то и уже упомянутое завершение процесса исламизации у ряда горских сообществ, и сложность для российских властей выступать «стороной» или даже посредником в горских усобицах. Традиционная «подвижность» и ситуативность внешнеполитической ориентации горских сообществ «в разрезе» фактора усобиц приобретала довольно устойчивую тенденцию: если одна сторона конфликта апеллировала к России и находила ту или иную поддержку, то другая – искала и находила иных покровителей, то есть Османскую империю или Иран. Не отрицая положительные примеры посредничества российских властей в преодолении горских усобиц, следует, все же, отметить, что возможность достижения «прорывных» результатов в данном направлении ограничивалась тем, что в горской среде любые договоренности выполнялись лишь до того момента, когда стороны переставали видеть в них целесообразность в собственном понимании.

Был важен и иной специфический фактор: ослабление для народов региона турецко-крымской угрозы, последовавшая ликвидация Крымского ханства способствовали меньшей их нуждаемости в российской военной помощи и политической опеке. Прежде всего, данная констатация относилась к «нейтральной» с 1739 по 1772–1774 гг. Кабарде.

Вскоре после раздела Крымского ханства Россия последовательно, на протяжении последующих лет XVIII в. инициировала и пыталась апробировать те проекты, которые призваны были интегрировать горских российских «подданных» в имперскую государственную систему, с максимальным для своего понимания учетом их социокультурных реалий. Данное понимание, не будучи, естественно, сколь-нибудь абсолютным, опиралось не только на опыт службы в регионе российских военных администраторов, но и на состояние отечественной академической гуманитарной науки на этапе становления кавказоведения как ее направления (Колесникова, 2016: 109–111). Впоследствии и представителями сложившегося «дворянского кавказоведения» (Броневский, 1823; Бутков, 1869; Фадеев, 1860; Дубровин, 1886), и советской исторической науке было совсем не просто разобраться с оценкой социально-экономической и культурной специфики народов Северного

Кавказа в широком хронологическом диапазоне, как при условии постановки данной исследовательской задачи, так и без подобного целеполагания.

Часто считается, что согласно следованию формационной теории как историософской и методологической основе для советской исторической науки, именно представители советского кавказоведения стали рассматривать горские средневековые сообщества в качестве феодализирующихся или даже феодальных, во многом – за неимением возможности «определить» их в иную стадию марксистской «пятичленки». Однако распространение на уклад горцев элементов «феодального» понятийно-терминологического аппарата прослеживалось еще в трудах дворянских кавказоведов (См. об этом: [Виноградов, 2012: 29–30](#)), взгляды и опыт которых были наиболее хронологически близки к исследуемому нами периоду в российско-горском взаимодействии в процессе складывания российского Северного Кавказа.

В процессе развития советского кавказоведения был поставлен не нашедший окончательных ответов вопрос о существовании «кавказского горского феодализма» ([Анчабадзе и др., 1971: 56–59](#); [Виноградов, 1981: 35, 48](#)), что предполагало его значительные несовпадения с соответствующей европейской и российской классикой. Между тем, закрепившееся в советской историографии наречение горской знати феодалами не может не вызывать вопросы в контексте недостаточной сформированности собственно феодальной собственности на землю и количественного соотношения свободного и зависимого населения в горских позднесредневековых сообществах. В данном смысле весьма спорным представляется и именованье рядовых горцев крестьянством, так как крестьянство – земледельческое феодально зависимое население с набором поведенческих и мировоззренческих характеристик, достаточно далеких от соответствующих горских традиций и ценностей.

Утвердившийся на постсоветском историографическом пространстве «исторический плюрализм» (в историософском и методологическом его понимании) привел к не всегда мирному сосуществованию различных подходов и оценок характера социокультурного бытия горских позднесредневековых сообществ.

Совершенно естественно, что накопленный за последующие два с лишним столетия опыт кавказоведческих изысканий был недоступен для российских администраторов последней четверти XVIII в.

К обусловленным «фактором 1783 года» российским проектам по интегрированию горских сообществ имперскую государственную систему, приданию их «подданству» по возможности конкретного содержания необходимо отнести, прежде всего, относящуюся к 1784 г. попытку причисления горской знати к российскому дворянству ([РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. IX. Л. 370–371; Документы и материалы..., 1957: 365–367](#)), екатерининский рескрипт 1786 г. «об учреждении войска из горских народов» ([Русско-дагестанские..., 1988: 198–200](#); [Кабардино-русские..., 1957: 364–365](#)), введение элементов российской судебной системы в Кабарде ([РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. IX. Л. 40–42](#)), планы по «федерализации» владетелей Восточного Кавказа ([Дубровин, 1886: 199–200](#); [Бутков, 1869: 298](#)) и частичной апробации в среде горского населения российского гражданского управления, разрабатывавшиеся в правление Павла I ([АВПРИ. Ф. 118. Оп. 118/1. Д. 19. Л. 2; Акты..., 1866: 727–731; Дубровин, 1886: 203](#)).

Все перечисленные проекты и планы российской стороны были объединены одной целью – установлением «тишины и покоя» в регионе при условии службы и повиновения местных горских подданных императорам и государству ([Великая, 2016: 24](#)). Степень учета в них специфических горских социокультурных реалий, проблем и перспектив воплощения в конкретных исторических условиях были проанализированы в некоторых наших работах ([Виноградов, 2005: 115–117, 144–148, 165–173, 189–249](#); [Виноградов, 2009: 56–88](#); [Виноградов и др., 2016: 87–89, 97–101, 118–125, 142–158](#)) но требуют дальнейшего осмысления.

В данном смысле необходимо отметить, что, несмотря на некоторые нюансы, подходы Екатерины II и Павла I к приданию горскому «подданству» конкретного, и одновременно, адаптированного к местным реалиям содержания, стабилизации обстановки в регионе, имели много черт последовательности в рамках продолжавшейся политики «ласканий» горцев. Тем не менее, все «интегративные проекты», в степени большей или меньшей, наталкивались на те факторы социального уровня позднесредневековых горских сообществ, которые были недостаточно осознаваемы российскими властями. Это имело место в случае с попыткой причисления горской знати к российскому дворянству в 1784 г. и с планом «федерализации» владетелей Восточного Кавказа, инициированным Павлом I в 1797 г.). Первый из обозначенных «интегративных проектов» предполагал наличие в среде горской знати того социального слоя (собственно дворянства), которого не могло быть в условиях раннефеодальных отношений, сосуществовавших со значительным сегментом патриархального уклада, в контексте преобладания норм обычного права (адатов) в горских этносоциальных сообществах. Представляется, что не выдерживает критики именованье социально-политического бытия последних феодальной раздробленностью (что равнозначно сложившимся феодальным отношениям), несмотря на довольно обширную историографическую традицию на сей счет, так как большая часть «квалификационных признаков» развития феодализма не выдерживают сопоставлений с местной социокультурной реальностью. Обращает на себя внимание и то, что дворянство как сформировавшийся и социально значимый слой населения – есть

своеобразный атрибут движения к централизованному государству, или уже «жизни» централизованного государства. По крайней мере, европейский и русско-российский исторический опыт свидетельствуют в пользу подобной трактовки. Вместе с тем, найти в северокавказской горской среде хоть какие-то признаки движения к централизованному государству в условиях до- или полугосударственной обстановки невозможно.

Кроме прочего, проект 1784 года предусматривал письменное подтверждение владельческих прав горской знати, с чем, естественно возникали недвусмысленные проблемы. Существовал и еще один значимый нюанс: среди социальных элит горских этнических сообществ наблюдались собственные иерархические соотношения, а постанковка их под единый «русский знаменатель» эти соотношения бы нарушало. Прежде всего это было невыгодно кабардинским князьям, и без того к этому времени регулярно конфликтовавшим с российскими властями, так как кабардинская знать была не заинтересована в распространении российского влияния на зоны собственного доминирования на Центральном Кавказе.

Высокая степень децентрализованности горских раннефеодальных образований (что отнюдь не равнозначно феодальной раздробленности) в совокупности с надвигающимся движением под предводительством шейха Мансура объективно не оставляли шансов на воплощение анализируемого проекта.

Инициированный в 1797 г. Павлом I проект создания пророссийской «федерации» владетелей Восточного Кавказа сам по себе свидетельствовал в пользу того, что высшая российская власть стремилась стабилизировать местную обстановку посредством прекращения «усобиц» при максимально возможном военном невмешательстве России в дела замышляемой федерации, в том числе – в деле отражения внешней угрозы со стороны Ирана. Однако вариант вовлечения в «федеративную структуру» и владетелей Дагестана, и ханов Северного Азербайджана (а в изначальном виде проекта – и Картли-Кახетинского царства) не мог не обуславливать существование проблем специфического свойства, как то различный уровень социально-политического развития субъектов федерализации, конфессиональные противоречия между суннитами и шиитами, трудность обеспечения прекращения «усобиц». Не менее сложно было добиться и прекращения систематических грабительских нападений на Восточную Грузию (Картли-Кახетию) со стороны Дагестана. Приведенный комплекс факторов и обстоятельств приведет, в конечном итоге, к довольно формальной реализации «федеративного проекта» уже при Александре I в 1802 г. в тех условиях, когда Восточная Грузия уже будет находиться в составе России, а характерная для русских властей на протяжении ряда десятилетий политика «ласканий» горцев начнет заходить в тупик – уже в контексте того, что российские границы будут находиться на Южном Кавказе.

Видимые элементы пассивного сопротивления попыткам России придать горскому подданству конкретное содержание прослеживаются в отношении кабардинской знати к плану Екатерины II «учредить войско из горских народов» (1786 г.), то есть привлечь горские ополчения к охране отведенных им «дистанций» Кавказской линии (заметим, что на весьма возмездной основе). Кабардинцы не желали вставать на охрану положенных им «дистанций», и выдвигали собственные контрпредложения, которые во многом сводили на нет цели и смысл соответствующего екатерининского рескрипта. Кроме того, сбор кабардинского ополчения всячески затягивался под любыми предлогами. Касательно осетин и ингушей, которых российские власти тоже планировали вовлечь в «войско», то они, видимо, опасались варианта обострения отношений с чеченцами, набеги которых они должны были отражать в рамках воплощения проекта.

Наиболее объемно и рельефно сопротивление исходящим от российской стороны нововведениям проявилось в случае с введением элементов российского судопроизводства в Кабарде (1793 г.), повлекшим за собой «шариатское движение», объективно направленное на общий подрыв позиций России в регионе. Контекстом последнего обострения обстановки было то, что кабардинская знать, избавленная силой российского оружия и дипломатии от ранее существовавших опасных «внешних вызовов» со стороны Крымского ханства и Османской империи, при условии окончательной исламизации Кабарды и присутствия опыта антироссийских выступлений под исламскими лозунгами (участие в движении шейха Мансура в 1785–1786 гг.) все более становилась незаинтересованной и в собственном, фактически ею не воспринимаемом, российском подданстве, и в самом масштабном военно-политическом присутствии России в регионе.

Несколько особняком в плане оценивания стоит попытка введения элементов гражданского управления горскими народами: она, судя по архивным документам, не вызвала видимого сопротивления горцев и предполагала значительную адаптированность к их социально-правовым традициям в части предлагаемой модели судопроизводства. Однако представляется, что на ее реализацию объективно было отпущено мало времени в условиях последующей динамики русско-горского взаимодействия, постепенного исчерпывания в начале XIX в. ресурсов и эффективности политики «ласканий» горцев в новых реалиях овладения Россией значительными территориями в Закавказье.

5. Заключение

Имевшая место на протяжении первой половины – середины XVIII в. и предшествующих полутора веков, обусловленная внешнеполитическими и региональными факторами и обстоятельствами, динамика российско-горского взаимодействия потребовала от российских властей в последней трети XVIII в. мер по приданию подданству горских народов того содержания, которое способствовало бы их постепенному интегрированию в российскую государственную систему и стабилизации региональной обстановки. Для России «магистральным» побудительным мотивом к этому выступил фактор значительного ее усиления на Кавказе в 1783 г. вследствие раздела Крымского ханства и установления протектората над Восточной Грузией, и можно считать, что последовавшие вскоре «интегративные проекты» были во многом данным фактором обусловлены. Однако все они, основанные на приоритете мирных методов «привлечения» горских подданных в рамках политики «ласканий», были, в большей или меньшей мере, отмечены неизбежно неполным знанием российскими администраторами тех горских социокультурных реалий, которые не способствовали или даже противодействовали воплощению соответствующих интегративных планов, в частности – в новой обстановке на Северном Кавказе и вокруг него. Горские этносоциальные сообщества, в принципе довольно «иммунные» к привнесению в свою среду внешних социально-политических конструкций и ценностей, в условиях ослабления внешней угрозы, в ряде случаев – удовлетворившись выгодами, последовавшими от принятия формального подданства российской империи, становились менее заинтересованными в российской опеке или даже в самом масштабном присутствии России на Северном Кавказе. В данном контексте и в свете завершения процесса исламизации у ряда горских народов возникает собственное видение сценария развития местной обстановки.

Тем не менее, исходившие от российской стороны в последней четверти XVIII в. «интегративные проекты» – свидетельство постоянного поиска российскими властями оптимальных моделей взаимоотношений с горцами, несводимости политики России на Кавказе к завоеванию последнего в рамках колониальной экспансии.

6. Благодарности

Публикация подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (отделение гуманитарных и общественных наук) и Министерства образования, науки и молодежной политики Краснодарского края в рамках научного проекта № 17-11-23007 а(р) «Политические и социокультурные процессы формирования северокавказской и причерноморской окраин России (конец XVII в. – 1783 г.)».

Литература

- АВПРИ** – Архив внешней политики Российской империи.
- Акты..., 1866** – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1866. Т. 1. 816 с.
- Анчабадзе, Робакидзе, 1971** – Анчабадзе З.В., Робакидзе А.И. К вопросу о природе кавказского горского феодализма // *Тезисы докладов Всесоюзной сессии, посвященной итогам исследований в 1970 г.* Тбилиси, 1971. С. 56–59.
- Баддели, 2011** – Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. М., 2011. 351 с.
- Броневский, 1823** – Броневский С. Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе. М., 1823. 465 с.
- Бутков, 1869** – Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Т. 1–3.
- Великая, 2016** – Великая Н.Н. Об особенностях политического взаимодействия российского государства с горцами Северного Кавказа в XVIII веке // *Российский Северный Кавказ: проблемы формирования, материалы к историко-археологическому изучению региона.* Армавир; Ставрополь, 2016. С. 22–30.
- Виноградов, 1981** – Виноградов В.Б. Генезис феодализма на Центральном Кавказе // *Вопросы истории.* 1981. № 1. С. 35–50.
- Виноградов, 2005** – Виноградов Б.В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783–1816 гг. Славянск-на-Кубани, 2005. 384 с.
- Виноградов, 2009** – Виноградов Б.В. Интегративные проекты и дезинтегрирующие факторы в российско-северокавказских взаимоотношениях конца XVIII–XIX в. Славянск-на-Кубани, 2009. 138 с.
- Виноградов, 2012** – Виноградов Б.В. К проблеме стадийного уровня развития и наличия государства у позднесредневековых адыгов в современных исследованиях // *Вестник МГОУ.* № 3 (49). М., 2012. С. 29–37.
- Виноградов, Приймак, 2016** – Виноградов Б.В., Приймак Ю.В. Энополитическая ситуация на Северном Кавказе в контексте присоединения к России Крымского ханства (1772–1829 гг.). Армавир, 2016. 186 с.
- Дубровин, 1886** – Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. В VI т. СПб., 1886.

- Кабардино-русские...**, 1957 – Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. М., 1957. Том II. XVIII в. 423 с.
- Колесникова, 2016** – Колесникова М.Е. Изучение Северного Кавказа как фактор включения его в интеллектуальное пространство России в XVIII – XIX вв. // *Российская государственность в судьбах народов Кавказа – IX. Материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 24–25 ноября 2016 г.* Пятигорск, 2016. С. 109–111.
- РГАДА: Российский государственный архив древних актов.
- Русско-дагестанские...**, 1988 – Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сборник документов. М., 1988. 357 с.
- Сафронова, Лоба, 2014** – Сафронова Е.В., Лоба В.Е. «Опасное состояние личности» как криминологическая категория // *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права.* 2014. № 3. С. 10–17.
- Фадеев, 1860** – Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860. 623 с.
- Ходарковский, 2016** – Ходарковский М. Горький выбор: верность и предательство в эпоху российского завоевания Северного Кавказа. М., 2016. 232 с.
- Zhurtova et al., 2017** – Zhurtova A.A., Kuzminov P.A., Kononov A.A., Muratova E.G. The Problem of Russian-Caucasian Historical Interaction in the National Liberal Historiography of the late XVIII – XIX centuries // *Bylye Gody.* №45(3). pp. 776–784.
- Rajović et al., 2017** – Rajović G., Ezhevski D.O., Vazerova A.G., Trailovic M. Circassia in the Russian-Turkish Relations at the end of the XVIII – the beginning of the XIX centuries // *Bylye Gody.* №45(3). pp. 803–810.

References

- AVPRI** – Arhiv vneshej politiki Rossijskoj imperii. [Foreign Policy Archive of the Russian Empire] [in Russian].
- Acts...**, 1866 – Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoj komissiej. [Acts collected by the Caucasian Archeographic Commission]. Tiflis, 1866. Vol. 1. 816 p. [in Russian].
- Anchabadze, Robakidze, 1971** – Anchabadze Z.V., Robakidze A.I. (1971). K voprosu o prirode kavkazskogo gorskogo feodalizma. [To the issue of the nature of the Caucasian mountain feudalism]. *Handout of the reports of the All-Union session devoted to the results of the research in 1970.* Tbilisi, 1971. pp. 56-59 [in Russian].
- Baddeli, 2011** – Baddeli D. (2011). Zavoevanie Kavkaza russkimi. [Conquest of the Caucasus by the Russians]. Moscow, 2011. 351 p. [in Russian].
- Bronevski, 1823** – Bronevski S. (1823). Novejšie geograficheskie i istoricheskie svedenija o Kavkaze. [The latest geographic and historical information about the Caucasus]. Moscow, 1823. 465 p. [in Russian].
- Butkov, 1869** – Butkov P.G. (1869). Materialy dlja novoj istorii Kavkaza s 1722 po 1803 g. [Materials for the new history of the Caucasus from 1722 to 1803]. St. Petersburg, 1869. Vol. 1-3. [in Russian].
- Velikaya, 2016** – Velikaya N.N. (2016). Ob osobennostjah političeskogo vzaimodejstvija rossijskogo gosudarstva s gorcami Severnogo Kavkaza v XVIII veke. [On the peculiarities of the political interaction of the Russian state with the North Caucasus mountain people in XVIII century]. *The Russian North Caucasus: the problems of formation, materials for the historical and archaeological study of the region.* Armavir; Stavropol, 2016. pp. 22-30 [in Russian].
- Vinogradov, 1981** – Vinogradov V.B. (1981). Genezis feodalizma na Central'nom Kavkaze. [Genesis of feudalism in the Central Caucasus]. *Questions of history.* 1981. № 1. pp. 35-50 [in Russian].
- Vinogradov, 2005** – Vinogradov B.V. (2005). Specifika rossijskoj politiki na Severnom Kavkaze v 1783–1816 gg. [Specificity of Russian policy in the North Caucasus in 1783-1816]. Slavyansk-on-Kuban, 2005. 384 p. [in Russian].
- Vinogradov, 2009** – Vinogradov B.V. (2009). Integrativnye proekty i dezintegrirujushhie faktory v rossijsko-severokavkazskih vzaimootnoshenijah konca XVIII–XIX v. [Integration projects and disintegrating factors in the Russian-North Caucasian relations of the late XVIIIth – XIXth centuries]. Slavyansk-on-Kuban, 2009. 138 p. [in Russian].
- Vinogradov, 2012** – Vinogradov B.V. (2012). K probleme stadial'nogo urovnja razvitija i nalichija gosudarstva u pozdnesrednevekovyh adygov v sovremennyh issledovanijah. [To the problem of the stage development level and the presence of the state in late medieval Adyghe in modern studies]. *Vestnik of MSRU.* №3 (49). M., 2012. pp. 29-37 [in Russian].
- Vinogradov, Priymak, 2016** – Vinogradov B.V., Priymak Yu.V. (2016). Jenopoliticheskaja situacija na Severnom Kavkaze v kontekste prisoedinenija k Rossii Krymskogo hanstva (1772–1829 gg.). [The ethnopolitical situation in the North Caucasus in the context of the annexation of the Crimean Khanate to Russia (1772-1829)]. Armavir, 2016. 186 p. [in Russian].
- Dubrovin, 1886** – Dubrovin N.F. (1886). Istorija vojny i vladychestva russkih na Kavkaz v VI tomah. [The history of the war and domination of Russians in the Caucasus in VI volume.]. St. Petersburg, 1886. [in Russian].
- Zhurtova et al., 2017** – Zhurtova A.A., Kuz'minov P.A., Kononov A.A., Muratova E.G. (2017). Problema rossijsko-kavkazskogo istoričeskogo vzaimodejstvija v otechestvennoj liberal'noj istoriografii

konca XVIII–XIX vv. [The Problem of Russian-Caucasian Historical Interaction in the National Liberal Historiography of the late XVIII–XIX centuries]. *Bylye Gody*. № 45(3). pp. 776 – 784.

Kabardian-Russian..., 1957 – Kabardino-russkie otnoshenija v XVI–XVIII vv. Dokumenty i materialy v 2-h tomah. [Kabardian-Russian relations in the XVI-XVIII centuries. Documents and materials in 2 volumes]. Moscow, 1957. Volume II. XVIII century. 423 p. [in Russian].

Kolesnikova, 2016 – *Kolesnikova M.E.* (2016). Izuchenie Severnogo Kavkaza kak faktor vključenija ego v intellektual'noe prostranstvo Rossii v XVIII – XIX vv. [The study of the North Caucasus as a factor of its inclusion in the intellectual space of Russia in the XVIII-XIX centuries] // *Russian statehood in the destinies of the peoples of the Caucasus – IX proceedings of the regional scientific-practical conference*. Pyatigorsk, 24-25 November 2016. Pyatigorsk, 2016. pp. 109-111 [in Russian].

Rajović et al., 2017 – *Rajović G., Ezhevski D.O., Vazerova A.G., Trailovic M.* (2017). Cherkesija v russko-tureckih vzaimootnoshenijah konca XVIII – nachala XIX vv. [Circassia in the Russian-Turkish Relations at the end of the XVIII – the beginning of the XIX centuries]. *Bylye Gody*. №45(3). pp. 803–810.

RGADA – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts] [in Russian].

Russia-Dagestan..., 1988 – Russko-dagestanskije otnoshenija v XVIII – nachale XIX v.: Sbornik dokumentov. [Russia-Dagestan relations in the XVIII-early XIX century: Collection of papers]. Moscow, 1988. 357 p. [in Russian].

Safronova, Loba, 2014 – *Safronova, E.V., Loba, V.E.* (2014). «Opasnoe sostojanie lichnosti» kak kriminologičeskaja kategorija. [Dangerous condition of person as criminal term] // *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 3: 10–17 [in Russian].

Fadejev, 1860 – *Fadeev R.A.* (1860). Šest'desjat let Kavkazskoj vojny. [Sixty years of the Caucasian war]. Tiflis, 1860. 623 p. [in Russian].

Khodarkovsky, 2016 – *Khodarkovsky M.* (2016). Gor'kij vybor: vernost' i predatel'stvo v jepohu rossijskogo zavoevanija Severnogo Kavkaza. [Bitter choice: loyalty and betrayal in the era of the Russian conquest of the North Caucasus]. Moscow, 2016. 232 p. [in Russian].

УДК 94(470.6)“18”

Развитие российско-горского взаимодействия в последней четверти XVIII в. в контексте факторов, перспектив и проблем интегрирования горских сообществ в имперскую государственную систему

Борис Витальевич Виноградов ^{а, *}

^а Армавирский государственный педагогический университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье подвергаются анализу факторы и обстоятельства развития российско-горского взаимодействия последней четверти XVIII в. в контексте необходимости для российской стороны постепенного интегрирования горских сообществ в имперскую государственную систему. Перспективы этого были связаны с превращением России в сильнейшую сторону во внешнеполитическом противоборстве за Кавказ с Османской империей и Ираном, в чем важную роль имела ликвидация Крымского ханства в 1783 г. В значительной мере именно данный фактор обусловил вскоре последовавшие попытки российской администрации придать подданству горцев конкретное содержание, выразившиеся в соответствующих «интегративных проектах». Несмотря на проблематичность их воплощения, они свидетельствуют о постоянном поиске российской стороной оптимальных моделей взаимодействия с горцами в процессе складывания российского Северного Кавказа.

Ключевые слова: российско-горское взаимодействие, раздел Крымского ханства, подданнические присяги, социокультурное развитие горских народов, процесс исламизации горцев, интегрирование горцев в российскую государственную систему, российский Северный Кавказ.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: vinogradov.b@mail.ru (Б.В. Виноградов)